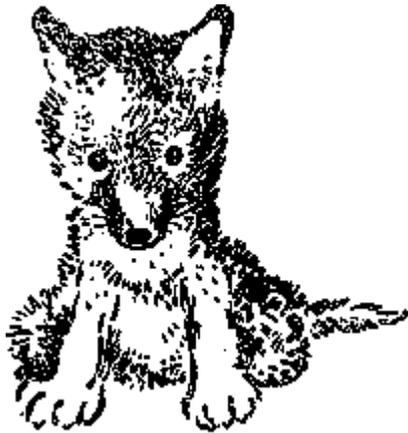

Е. ЧАРУШИН

ЧТО ЗА ЗВЕРЬ

Рисунки автора

*Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1950 Ленинград*

СТРАШНЫЙ РАССКАЗ

Мальчики Шура и Петя остались одни. Они жили на даче — у самого леса, в маленьком домике. В этот вечер папа и мама у них ушли к соседям в гости.

Когда стемнело, Шура и Петя сами умылись, сами разделись и легли спать в свои постельки. Лежат и молчат. Ни папы, ни мамы нет. В комнате темно. И в темноте по стене кто-то ползает-шуршит; может быть — таракан, а может быть — кто другой!..

Шура и говорит со своей кровати:

— Мне совсем и не страшно.

— Мне тоже совсем не страшно, — отвечает Петя с другой кровати.

— Мы воров не боимся, — говорит Шура.

— Людоедов тоже не боимся, — отвечает Петя.

— И тигров не боимся, — говорит Шура.

— Они сюда и не придут, — отвечает Петя.

И только Шура хотел сказать, что он и крокодилов не боится, как вдруг они слышат... за дверью, в сенях, кто-то негромко топает ногами по полу: топ... топ... топ... шлёп... шлёп... топ... топ...

Как бросится Петя к Шуре на кровать! Они закрылись с головой одеялом, прижались друг к другу. Лежат тихо-тихо, чтобы их никто не услышал.

— Не дыши, — говорит Шура Пете.

— Я не дышу.

Топ... топ... шлёп... шлёп... топ... топ... шлёп... шлёп.

А через одеяло всё равно слышно, как кто-то за дверьми ходит и ещё пытит вдобавок.

Но тут пришли папа с мамой. Они открыли крыльцо, вошли в дом, зажгли свет. Петя и Шура им всё и рассказали.

Тут мама с папой зажгли ещё одну лампу и стали смотреть по всем комнатам, во всех углах.

Нет никого.

Пришли в сени. Вдруг в сенях вдоль стены кто-то как пробежит в угол... Пробежал и свернулся в углу шариком. Смотрят — да это ёжик! Он, верно, из леса забрался в дом.

Хотели его взять в руки, а он дёргается и колет колючками. Тогда закатали его в шапку и унесли в чулан. Дали молока в блюдце и кусок мяса.

А потом все заснули.

Этот ёжик так и жил с ребятами на даче все лето. Он и потом пытел и топал ногами по ночам, но никто уж его не боялся.

ВАНЯ-ОХОТНИК

Каждый вечер, как начнёт смеркаться, на зелёное озимое поле из леса выбегает заяц.

И выбегает он всё в одно и то же место. У дороги, возле ивового куста. Погонит коров домой Ваня, колхозный подпасок, глядит — заяц уж на озими сидит, посматривает во все стороны, поводит ушами. И жуёт.

А Ваня был охотник.

Только он еще ни разу никого не убивал. Всё-таки это дело трудное.

Решил Ваня устроить на зайца засаду.

Он взял ружьё, зарядил его и залез с ним в ивовый куст, к которому выбегал кормиться заяц. Залез еще днём — пораньше. Сидит Ваня в кусту и ждёт зайца. Вот час сидит Ваня, не двигается, а никто из леса не бежит. Вот другой час прошёл — нет зайца.

Вдруг пошёл дождь, такой сильный, крупный, и сразу нахлестало везде воды.

По дороге разлились лужи.

Вся трава стала сырая. С куста со всех листьев капает, прямо течёт струйками.

Ваня почти весь до ниточки вымок, а сидит, не шевелится, только дрожит от холода.

«Всё равно, — думает, — застрелю я этого зайца! Обязательно застрелю! До самой ночи я просижу, а дождусь его. Не провороню!»

Наступил вечер. Вот и ночь близко.

Темнеет. Не шевелится Ваня, сидит, ждёт. И вдруг юн слышит: шлёп-плюх... шлёп-плюх... шлёп-плюх... Это кто-то по дороге шлёпает ногами по лужам. Заяц пришёл!

Тут Ване стало даже жарко. Сердце у него в груди заколотилось, руки задрожали.

Выглянул он из куста, из-под мокрой веточки, а зайца не видно. И ничего не видно, потому что уже стало совсем темно. А заяц всё ближе да ближе шлёпает: шлёп-плюх... шлёп-плюх. .. шлёп-плюх...

Вот уж совсем тут, рядышком. Вот уж рукой можно его достать — только протяни!

И вдруг! К Ване на колени — шлёп-плюх! — прыгнула большая, здоровенная лягушка.

Это она и шлёпала по лужам вместо зайца.

А заяц так и не пришёл.

ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

У моего приятеля жили в комнате два маленьких лисёнка. Это были шустрые и беспокойные зверьки. Днём они спали под кроватью, а к ночи просыпались и вздуривали — носились по всей комнате до самого утра.

Так разыграются лисята, так расшались, что бегают по моему приятелю, как по полу, и прыгают ему, сонному, прямо на лицо.

А однажды ночью лисёнок, играючи, даже схватил его за нос. С тех пор приятель спал, засунув голову под подушку. Даже до сих пор у него сохранилась эта привычка. И лисят давно нет, и живёт он в другой квартире, и прыгать на лицо некому, а спит он по-старому, плотно закрывшись подушкой.

Эти лисята были настоящие ловкачи.

Раз! — и по занавеске взберётся лисёнок прямо до самого верха.

Два! — он уже на высоком шкафу.

А вот и на комод, а вот оба уже таскают друг друга за шиворот.

Лисята нашли себе игрушку. Игрушка эта — фарфоровое блюдо.

Лисята постукивают по краю лапами, блюдо гремит, звенит, подпрыгивает. А лисята знай гонят его по всему полу — туда-сюда, взад-вперёд. Звон стоит, как в посудной лавке.

Однажды мой приятель очень испугался. Проснулся он утром и вдруг видит: по комнате скачет его высокий охотничий сапог, так вот и скачет — сам по себе. Перевёртывается, перекачивается. Что за чудо такое?

Потом присмотрелся он и заметил: из голенища торчит кончик пушистого хвостика. Тут приятель и догадался, что это лисёнок залез в его сапог, как в норку, и там застрял. Он скорее лисёнка схватил за хвост и вытащил из сапога.

Жили-жили эти лисята у моего приятеля и вдруг потерялись!

Как-то пришёл приятель со службы домой и свистит:

— Фью, фью! Эй, братцы, сюда! Я вам телячьей печёнки купил!

А никто к нему и не приходит. Нет лисят. Куда же они подевались?

Стал приятель их искать...

Заглянул на шкаф — на шкафу их нет.

Полез за комод — и там нет никого, и под стульями нет, и под кроватью нет.

Посмотрел и в сапогах. Сапоги пустые.

Удивился мой приятель, не знает, что и думать. На самом деле, куда же могли убежать лисята из запертой комнаты?

Но тут он взглянул на свою печку с раскрытой дверцей и сразу догадался. Выбежал скорее на лестницу и позвонил в соседнюю квартиру. Дверь ему открыли, спрашивают:

— Да мне зверей своих надо от вас взять! Они, наверное, к вам убежали.

— Звери? Какие звери? Никаких у нас зверей нет! Перепугались соседи.

А приятель вошёл к ним в комнату, подошел к печке. Она была вделана в этой же стене, только с другой стороны. Открыл печной душник и засвистал, и закричал:

— Фью! Фью! Эй, звери, вылезайте! Я вам телячьей печёнки купил.

И тут заскреблось что-то в стене, зацарапался кто-то в дымоходе.

Соседи совсем перепугались, а соседка-старушка и говорит:

— Уж не змеи ли у нас там ползают?

А из открытого душника высунулись разом две звериных мордочки, чёрные все, в саже, и глазки у них блестят, как бусинки.

Схватил мой приятель их за шиворот и унёс домой.

Ведь вот какие ловкачи: забрались в печку и стали лазить по дымоходам, как в лесной норе. Ну и путешественники!

ЧТО ЗА ЗВЕРЬ?

Выпал первый снег. И всё кругом стало белым.

Деревья белые, земля белая, и крыши, и крыльцо, и ступеньки на крыльце — всё покрылось снегом.

Девочке Кате захотелось по снежку погулять.

Вот она вышла на крыльцо, хочет по ступенькам спуститься в сад и вдруг видит: на крыльце в снегу какие-то ямки. Какой-то зверёк ходил по снегу. И на ступеньках следы, и на крыльце следы, и в саду следы.

«Вот интересно-то! — подумала девочка Катя. — Что за зверёк тут ходил? Это надо узнать».

Взяла Катя котлетку, положила её на крыльцо и убежала. День прошёл, ночь прошла. Настало утро. Проснулась Катя — и скорее на крыльцо: посмотреть, съел ли зверёк её котлетку. Смотрит — котлетка цела! Где её положила, тут она и лежит. А следов ещё больше стало. Значит, зверёк снова приходил.

Тогда убрала Катя котлетку, а положила вместо неё косточку. Из супа.

Утром опять бежит Катя на крыльцо. Смотрит — косточку зверёк тоже не трогал. Так что же это за зверёк такой? И косточек не ест.

Тогда положила Катя вместо косточки красную морковку.

Утром глядит — морковки нет! Зверёк приходил и всю морковку съел!

Тогда Катин папа сделал западню. Опрокинул на крыльце ящик кверху дном, подпёр его лучинкой, а к лучинке привязал бечёвкой морковь.

Если морковку дёрнуть — лучинка отскочит, ящик упадёт и накроет зверька.

На следующий день и папа пошёл, и мама, и даже бабушка, — все пошли смотреть, не попался ли зверь в западню.

А Катя впереди всех.

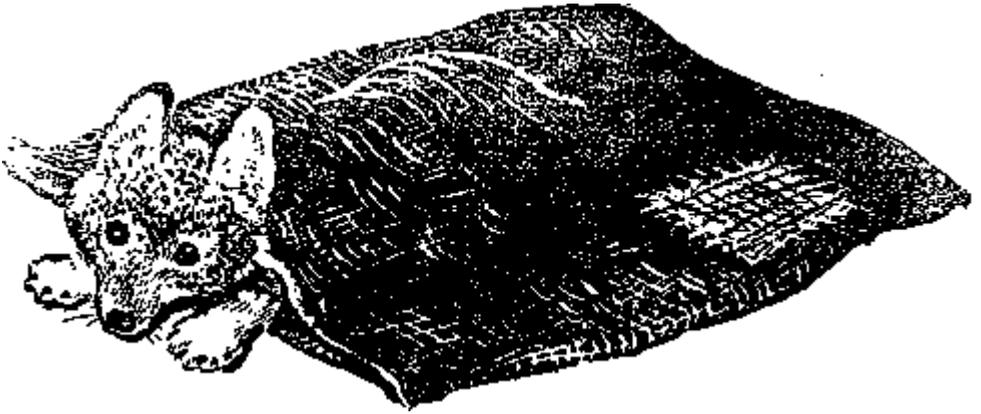
Есть в западне зверь! Прихлопнул кого-то ящик, упал с подставки!

Заглянула Катя в щёлочку, видит — сидит там зверь, белый-белый, пушистый-пушистый, глаза розовые, уши длинные, прижался в угол, морковку дожжевывает.

Это кролик!

Унесли его домой, на кухню. А потом сделали большую клетку. И он стал в ней жить.

А Катя его кормила морковкой, сеном, овсом и сухарями.

ВОЛЧИШКА

Жил в лесу волчишка с матерью.

Вот как-то раз ушла мать на охоту.

А волчишку поймал человек, сунул его в мешок и принёс в город. Посреди комнаты мешок положил.

Долго не шевелился мешок. Потом забарахтался в нём волчишка и вылез. В одну сторону посмотрел — испугался: человек сидит, на него смотрит.

В другую сторону посмотрел — чёрный кот фыркает, пыжится, самого себя вдвое толще, еле стоит. А рядом пёс зубы скалит.

Совсем забоялся волчишка, полез в мешок обратно, да не влезть: лежит пустой мешок на полу, как тряпка.

А кот пыжился, пыжился, да как зашипит. Прыгнул на стол, блюдце свалил. Разбилось блюдце.

Пёс залаял. Человек закричал громко:

— Ха! Ха! Ха! Ха!

Забился волчишка под кресло и там стал жить-дрожать.

Кресло посреди комнаты стоит. Кот со спинки

кресла вниз посматривает. Пёс вокруг кресла бегаёт. Человек в кресле сидит — дымит.

А волчишка еле жив под креслом.

Ночью человек уснул, и пёс уснул, и кот зажмурился. Коты — они не спят, а только дремлют.

Вылез волчишка — осмотреться. Походил, походил, понюхал, а потом сел и завыл.

Пёс залаял. Кот на стол прыгнул.

Человек на кровати сел. Замахал руками, закричал. А волчишка опять под кресло залез. Стал тихонечко там жить.

Утром ушёл человек. Молока налил в плошку. Стали кот с собакой молоко лакать.

Вылез из-под кресла волчишка, подполз к двери, а дверь-то открыта!

Из двери на лестницу, с лестницы на улицу, с улицы по мосту, с моста в огород, из огорода в поле.

А за полем стоит лес. А в лесу мать-волчиха.

Обнюхались, обрадовались и дальше побежали по лесу.

А теперь волчишка вот каким стал матерым волком!

КАК МАЛЬЧИК ЖЕНЯ НАУЧИЛСЯ ГОВОРИТЬ БУКВУ «Р»

Мальчик Женя не умел говорить букву «р». Ему говорят:

— Ну-ка, Женя, скажи: пароход.

А он говорит: «палоход».

— Скажи: таракан.

А Женя говорит: «талакан».

— Скажи: рыба.

А он говорит: «лыба»..

Все ребята на дворе над ним смеялись.

Вот Женя однажды играл с ребятами и сказал тоже что-то неправильно. Ребята стали его дразнить.

Тогда Женя обиделся и залез на крышу.

А во дворе стоял маленький домик — невысокая баня. Лежит Женя на банной крыше и тихонько плачет. Вдруг на забор прилетела ворона и здорово так каркнула:

— Крррааа!..

Женя тоже каркнул — только получилось: «кл-лааа».

А ворона посмотрела на него, наклонила набок голову, прищёлкнула клювом и давай выговаривать на разные лады:

— Каррр, краа, кррр, ррра, ррра, ррра.

У Жени получается: «клавла, кллл, клккл».

Полчаса кричал Женя по-вороньи, язык во рту в разные места ставил и дул изо всех сил.

У него и язык устал, и губы распухли. И вдруг так хорошо у него получилось:

— Крррррррраааа!

Так хорошо «ррр» получается, словно куча камней по камешкам в разные стороны раскатывается: «р-р-р-р». Обрадовался Женя и полез с крыши.

Торопится, лезет и всё время каркает, чтобы не забыть, как «р» выговаривается.

Лез, лез и свалился с крыши, да крыша-то банная, баня невысокая, и в куст смородины он упал — не ушибся. Встал Женя, побежал к ребятам, смеётся, радуется и кричит:

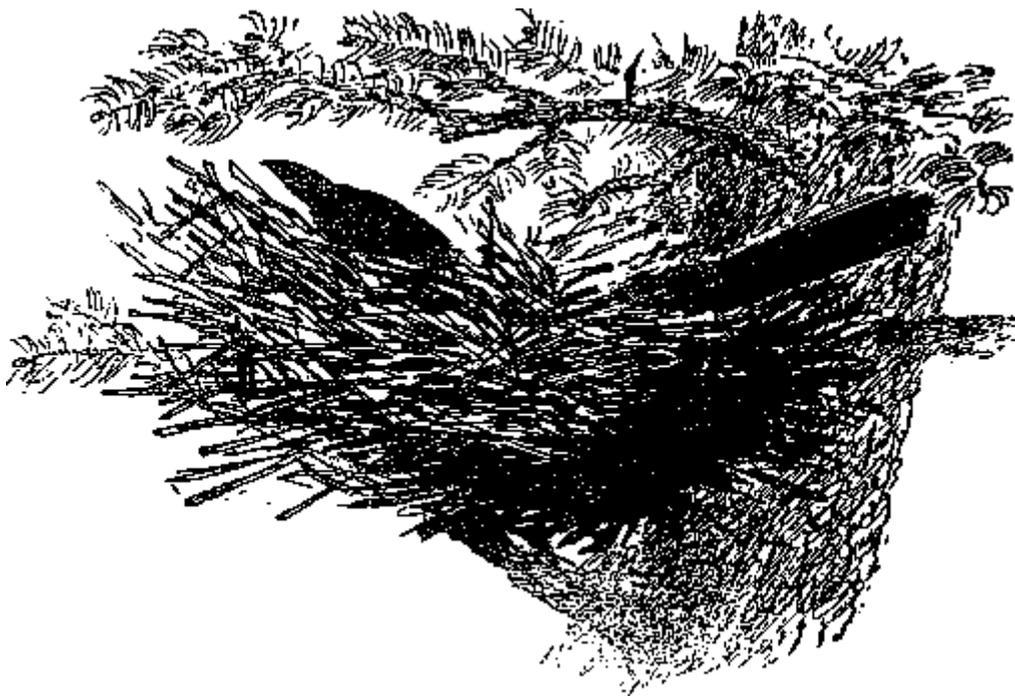
— Я «рры» научился говорить!

— А ну, — говорят ребята, — скажи нам что-нибудь.

Женя думал, думал и сказал:

— Паверрррррррр.

Это Женя хотел сказать «Павел», да спутал. Вот как обрадовался!

ХИТРАЯ МАМА

Когда я был маленьким, я очень ловко стрелял из лука. Как пушу свою стрелу, так она и вопьётся прямо в цель.

Я каждый день ходил со своим луком по огороду и по двору и всё высматривал, во что бы мне стрельнуть.

И вот однажды я увидел в соседнем саду на высокой густой ёлке какую-то кучу веток. Смотрю, — а это ворона свила гнездо и сама сидит там.

Она спряталась, затаилась, только один хвост торчит из веток.

И тут я сразу её узнал. Знакомая ворона. У этой вороны в хвосте два пёрышка совсем белые. Эта самая

разбойница в прошлом году утащила у нас двух маленьких цыплят. Одного за другим, обоих в один день. Налетела на них сверху, как ястреб, долбанула клювом — и готово.

Я очень рассердился.

— Сейчас ты от меня не уйдёшь! Я тебя, воровку, застрелю! Будешь знать, как воровать цыплят!

Вытащил я скорее свою самую острую стрелу, у которой наконечник был сделан из стальной граммофонной иголки, взял стрелу в зубы и осторожно пополз к гнезду между грядок с морковью.

Но хитрая была эта ворона. Добрался я до ёлки, посмотрел снизу, а вороньего хвоста уж не видать. Пустое гнездо. Улетела.

Тогда я полез на соседнее дерево. Залез высоко-высоко и сел там в развилину сучьев.

«Уж тут-то, — думаю, — я её дождусь. Как прилетит ворона на своё гнездо, тут я её и выделю. Уж не промажу».

И вот сидел я так, сидел, дожидал ворону, даже правую ногу отсидел, — у меня в ней забегали мурашки, — а никто не летит. Она, наверно, сама спряталась где-то и видит меня.

Вдруг в огород пришла моя мама. Мама сразу же увидела меня на дереве и крикнула мне:

— Ты что там делаешь?

Я ей с дерева же всё и рассказал.

А мама подумала-подумала и говорит:

— Слезай. Мы эту ворону перехитрим иначе. Она у нас утащила двух цыплят, теперь пускай вернёт их обратно.

Мама выкрасила зелёной акварельной краской два свежих куриных яйца, навела на них маленькой кисточкой коричневые пятнышки и полоски. И получились настоящие вороньи яйца, только большие.

— Теперь, — сказала мама, — перемени-ка яйца

в гнезде: эти положи туда, а вороны — выкинь. А дальше посмотрим, что будет.

Чтоб яйца не взболтались, я положил их в свою шапку.

Нагнул голову и осторожно надел на себя шапку с яйцами.

Потом залез на дерево и сделал так, как говорила мне мама: вороны яйца забрал в карман, а вместо них в гнездо положил — куриные.

Мы ушли из огорода и в окно стали наблюдать, заметит ли ворона обман.

И вот ворона откуда-то появилась на своём гнезде, осмотрелась кругом и села парить куриные яйца. Ничего не заметила она. Значит, всё в порядке.

Ну и интересную штуку моя мама придумала!

Карандашом на дверях я начертил двадцать одну чёрточку, потому что двадцать один день надо выпаривать яйца.

И каждый день я одну чёрточку стирал.

Вот уже десять дней прошло, — десять чёрточек я стёр.

Вот уже пятнадцать прошло, вот двадцать.

И вот, наконец, на дверях не осталось ни одной чёрточки.

Все двадцать один день прошли.

И я полез на ёлку. А там на ёлке в вороньем гнезде два маленьких цыплёнка. Один жёлтенький, пушистый, а другой ещё мокрый, и скорлупа у него на спине прилипла.

Я скорее положил их в шапку и полез вниз.

А ворона-воровка каркает, летает кругом, орёт во всё горло.

Хочет, видно, отбить своих воронят.

— Ори, ори, — говорю, — это не твои, а наши. Так тебе и надо.

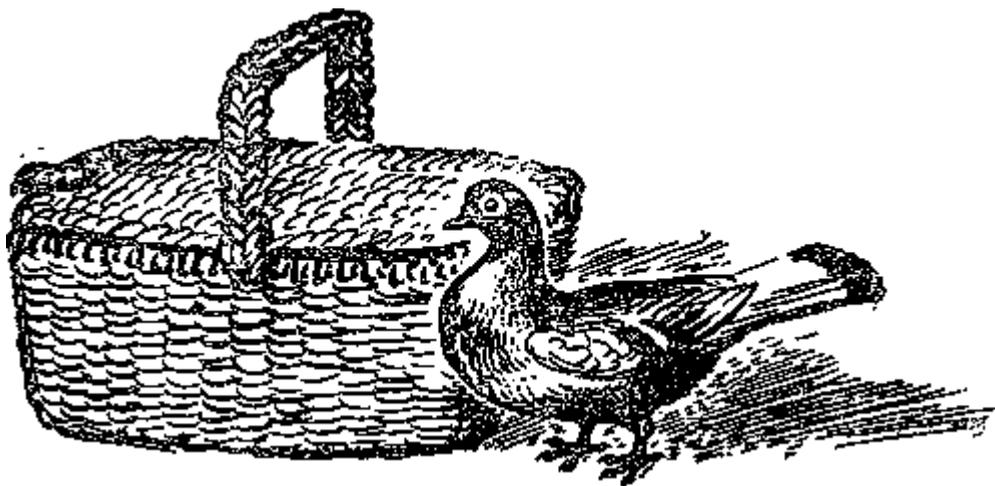
И наши цыплята выросли. Получились две драч-

ливые курочки. Они никому не давали спуска, даже иногда колотили соседнего петуха. И яйца несли эти курицы крупные и вкусные.

Когда я вырос большой, я узнал, что в наших краях очень часто делают так. В вороньи гнёзда подкладывают куриные яйца, и всегда вороньи «выпарки» бывают сильные, крепкие.

Курочки все замечательные несушки, а петухи настоящие злодеи. Только и ищут, с кем бы подраться, даже на хозяев насакивают. А ребяташки их прямо боятся.

УДИВИТЕЛЬНЫЙ ПОЧТАЛЬОН

Мальчик Вася со своим папой поехал на дачу. А Васина мама осталась в городе: ей надо было ещё чего-то купить. Мама хотела приехать с покупками вечером.

Вот идёт поезд. Вася сидит в вагоне на скамейке рядом со своим папой и смотрит в окно. А в окне бегут деревья и заборы и разные дома.

Напротив Васи на скамеечке тоже сидит мальчик, с часами на левой руке.

Он везёт какую-то корзинку. Этот мальчик уже большой: ему, наверно, лет пятнадцать.

Как поезд подъедет к станции, мальчик посмотрит на свои часы, запишет что-то карандашом в записной книжке, наклонится над своей корзиной, что-то вытащит из неё и выбежит из вагона.

А потом снова придёт и сидит — в окно поглядывает.

Вася сидел-сидел, смотрел-смотрел на мальчика

с корзиной, да вдруг как заплачет во весь голос! Он вспомнил, что свой велосипед дома забыл.

— Как же я без велосипеда-то? — плачет. — Я всю зиму думал, как по лесам на нём буду ездить.

— Ну, ну, не плачь, — сказал его папа. — Мама поедет и привезёт тебе велосипед.

— Да нет, не привезёт, — плачет Вася. — Она его не любит. Он скрипит...

— Ну ты, паренёк, перестань, не плачь, — вдруг сказал мальчик с часами на руке. — Я тебе сейчас устрою это дело. Я сам люблю ездить на велосипеде. Только он настоящий — двухколёсный. У вас есть дома телефон? — спрашивает он у Васиного папы.

— Есть, — отвечает папа. — Номер 5-55-06.

— Ну, так всё в порядке, — говорит мальчик. — Мы сейчас срочно отправим почтальона с письмом. — Он вытащил из кармана крохотную бумажную ленточку из тонкой папиросной бумажки и написал на ней:

«Позвоните по телефону 5-55-06, передайте: «Маме надо взять на дачу Васин велосипед».

Потом вложил это письмо в какую-то блестящую маленькую трубочку, открыл свою корзинку.

А там в корзине сидит голубь — длинноносый, сизый.

Вытащил мальчик голубя и привязал к его ноге трубочку с письмом.

— Вот мой почтальон, — говорит. — Готов к полёту. Смотри.

И только поезд остановился на станции, мальчик посмотрел на часы, отметил время в своей записной книжке и выпустил голубя в окно.

Голубь как взлетит прямо вверх — только его и видели!

— Я сегодня учу почтовых голубей. — говорит мальчик. — На каждой станции выпускаю по одному и записываю время. Голубь полетит прямо в город на

свою голубятню. А там уж его ждут. А на этом — последнем — увидят трубочку, прочтут письмо и позвонят к вам на квартиру. Только бы его по пути ястреб не поймал.

И верно: Вася приехал на дачу, ждёт-пождёт маму, — и вечером мама приехала с велосипедом. Получили письмо.

Значит, не словил голубя ястреб.

МЕДВЕЖАТА

Есть такая деревня, называется Малые Сосны. Малые не потому, что сосны в лесу невелики, а потому, что ближняя деревня, что за восемь вёрст, зовётся Большие Сосны. В отличие, значит, от той.

В самом непроходимом лесу эти Малые Сосны. Дремучий кругом лес. Ели мхом обросли, бородастые стоят. Сосны в самом небе ветви раскинули. Осинник в сырых местах, как частокол, наставлен. И вся чаща в трухлявой валежине, в сырости. Не продерёшься через неё. Только лосям длинноногим и ходить тут, через валежник перешагивать. Вот в этих-то лесах и убили зимой медведицу. В берлоге убили.

А медведица эта недавно двух медвежат родила.

Медвежат охотники в шапку положили — оба поместились в шапке. Маленькие они были, чуть глядели еще.

Принесли их в деревню Малые Сосны, к Прасковье Ивановне в избу. Её муж как раз и убил медведицу.

Принесли медвежат в избу, сунули под лавку, ни овчину, на старый тулуп. Там и стали они жить.

Прасковья Ивановна сама им со'ски сделала. Взяла две бутылки, тёплого молочка налила и тряпочками заткнула.

Вот и лежат медвежата с бутылками. Спят, посасывают молоко, причмокивают и растут поне-многу.

Сначала с тулупа не слезали, а потом и по избе стали ползать, ковылять, кататься — всё подальше да подальше.

Благополучно растут медвежата, ничего себе.

Только раз один медвежонок чуть не помер с перепугу, — кур принесли в избу. Мороз был на дворе такой, что вороны на лету замерзали, — вот кур и принесли, чтоб от холода упрятать. А медвежишка выкатился из-под лавки на них посмотреть. Тут петух на него и наскочил. И давай трепать. Да как трепал! И крыльями бил, и клювом долбил, и шпорами порол, — ну прямо озверел петух.

Медвежишка, бедняга, орёт, не знает, что ему и делать, как спастись. Лапами, как человек, глаза закрывает и орёт. Еле его спасли. Еле от петуха отняли. На руки взяли, а петух кверху прыгает. Как собака какая. Ещё долбануть хочет.

Дня три после того не сходил с тулупа медвежишка. Думали уж, не подох ли. Да ничего, — сошло.

К весне подросли, окрепли медвежата.

А летом уж куда больше кошки стали — с маленькую собаку.

Такие озорники выросли. То горшок на столе опрокинут, то ухват спрячут, то из подушки перо выпустят. И под ногами всё вертятся, вертятся, мешают хозяйке Прасковье Ивановне.

Стала ока их гнать из избы: играйте, моя, на улице. Озоруйте там, сколько влезет. На улице большой беды

вам не натворить. А от собак лапами отмашетесь или залезете куда повыше.

Живут медвежата целый день на воле. В лес бегать и не думают. Им Прасковья Ивановна стала как мать-медведица, а изба — берлогой. Если обидит или напугает их кто-нибудь, — они сейчас в избу — и прямо к себе под лавку, на тулуп.

Хозяйка спрашивает:

— Вы что там, озорники, опять наделали?

А они молчат, конечно, — сказать не умеют, только друг за друга прячутся да глазами коричневыми хитро посматривают.

Шлёпнет их хорошенько Прасковья Ивановна, знает уж: что-нибудь да натворили. И верно.

Часа не пройдёт — стучатся в окно соседи, жалуются: твои, мол, Ивановна, звери всех цыплят у меня разогнали, по всей деревне собирай их теперь.

Или ещё что другое.

Взмолится хозяйка:

— Да скоро ли их от меня в город продадут? Нету у меня с ними терпенья.

А в город не так-то легко выбраться. Ехать надо километров шестьдесят. Если весной ехать — распутица не пускает: не дороги, а реки грязевые. А летом работа держит — тоже не уедешь. Так и живут медвежата непроданные.

Пришёл я как-то в Малые Сосны охотиться. Сказали мне, что медвежата тут есть. Я и пошёл их поглядеть.

Спрашиваю хозяйку Прасковью Ивановну:

— Где твои медвежата?

— Да на воле, — говорит, — балуются.

Выхожу на двор, смотрю во все углы — нет никого.

И вдруг — ох ты! — у меня перед самым носом Кирпич летит. Бац! С крыши свалился.

Отскочил я, гляжу на крышу. Ага! Вон где они сидят! Сидят два медвежонка, делом заняты, разбирают трубу по кирпичику — отвалят кирпич и спустят его по наклону, по тесовой крыше.

Ползёт кирпич вниз и шуршит. А медвежата голову набок наклонят и слушают, как шуршит. Нравится им это. Один медвежонок даже язык высунул от такого удовольствия.

Я скорее в избу, — спасай, мол, Прасковья Ивановна, трубу-то!

Прогнала она их с крыши и нашлапала хорошошенько.

А в тот же день вечером пришли к ней соседи и тоже жалуются: медвежата у трёх домов трубы разобрали, да мало что разобрали, а еще и в трубы кирпичей навалили. Стали хозяйки днём печи топить, а дым не идёт куда надо, — назад в избу валом валит.

Уж ничего не сказала Прасковья Ивановна, а только заплакала.

А как собрался я уходить с охоты, стала она меня просить:

— Сделай, — говорит, — милость, уведи хулиганов моих. Сам видишь, каково мне с ними. Пока маленькие были, — ребята как ребята. А теперь гляди, что...

Взял я медвежат и повёл в город. Километра два на верёвочке вёл, а до леса дошёл — снял верёвочку. Они леса-то сами боятся, жмутся ко мне, отстать не хотят. Лес им чужой, страшный.

Так двое суток мы с ними и шли. Дошли до города. Тут я их опять на верёвочке повёл.

Собак сколько набежало, ребятишек, — да и взрослые тоже останавливаются, смотрят.

Продал я моих малососненских хулиганов в зоосад, а оттуда их прямо за границу отправили. Обменяли на зебру полосатую — африканскую лошадь.

ПТИЧЬЕ ОЗЕРО

В Московском зоопарке две территории — старая и новая. Новая — через улицу от старой.

Я сначала даже не понимал, что за «территории» такие в зоопарке.

Пришёл я как-то раз уток смотреть, а мне говорят: — Идите на новую территорию! Там интереснее. Вот она. Через улицу перейдите.

Я перешёл. Оказывается, новая территория — это просто-напросто новое место.

На старом месте Московскому зоопарку тесно стало. Он и перескочил через улицу. Новые места занял. А улица бойкая. Тут и трамвай звонит, и автомобиль рывкает. Только не дома по сторонам тянутся, а длинный забор, да не настоящий, плотный забор, из-за которого ничего не видать, а так — вроде деревянной решётки.

За решёткой — озеро. А на озере — и утки, и гуси,

и бакланы, и нырки, и всякая водяная птица.купаются, ныряют, встряхиваются, кричат. Хорошо им: воды много.

Вот гуси плывут. Стройные, перо к перу. Шея длинная, голова маленькая. Гогочут, ныряют, только плохо ныряют, просто окунаются. Очень у них мяса много, пера, пуха — вода их и выпирает вверх.

А вот баклан нырнул — это другое дело. Сидел себе, сидел на гнезде, а гнездо у него — просто тумба из воды торчит, и на тумбе куча хвороста. Сидел себе на гнезде — и бух в воду. Поплыл, как морской пароход. Клюв кверху трубой торчит, и волны по воде.

А потом — раз! И нет баклана.

Смотрю я, смотрю, где-то он вынырнет. А он через всё озеро махнул. На самом дальнем конце паромом плывёт, лысук с пути гонит.

«Лысухи — водяные куры — гребут, удирают. Головы у них дёргаются, взад-вперёд, взад-вперёд, только лысины мелькают — белые пятна на голове.

И вдруг всё озеро полетело.

Все птицы с воды снялись.

Загадели гоголи, кряквы, гуси, нырки. Брызги дождём сыплются, крылья свистят.

Кто потяжелее, летать не может, пешком по озеру бежит, крыльями по воде хлопает.

А кто и ныром за всеми поспекает.

Всё озеро облетели птицы и уселись. А две кряковые утки до того разлетелись, что взяли да и перемахнули через забор.

До свидания, значит!

Через забор, а потом через всю Москву, в лес — и прямо в болото камышёвое.

Небось, из какого-нибудь старого зоологического сада не улетели бы. Там все птицы были калеки. Посмотришь, бывало, — у кого обрубок крыла из перьев вылезает, иодом залит, у кого крыло вывернуто — вбок

торчит. Тихая там была у птиц жизнь — вроде как в больнице. А здесь птицам — воля, хоть и не лес это, а зоопарк.

Вот вышли на бережок, на солнышко, дикие утки, привели своих утят погреться.

Дня три всего утятам.

Пуховые и маленькие-маленькие. Кажется, их обратно в яичную скорлупу еще затолкать можно — уйдут без остатка. А что мать делает, то и они. И на боку, как настоящие утки, лежат, и клювом перья себе правят (а перьев у них еще нет — один пух), и ногами песок гребут, и крыльями машут, хоть и не крылья у них, а крючочки какие-то в пуху.

Вдруг плюхнулось что-то в воду.

Брызги полетели.

Утят как ветром сдуло. Один нырнул, другой в ямку забился.

А это на воду сели кряковые утки. Те самые, что жили раньше в болоте за городом. Непонятное дело. Надо спросить кого-нибудь. А тут рядом со мною какие-то люди — мужчина и женщина — стояли. Высматривали кого-то на озере.

Женщину-то я сразу узнал — недавно я видел, как она шакалят приручала.

Каждого трусливого, пузатенького шакалёнка по очереди держала на руках.

Гладила, говорила что-то, к человеческому голосу приручала.

Значит, она здешняя, в зоопарке служит.

Я к ней и подошёл.

— Почему, — спрашиваю, — у вас утки из зоопарка

не улетают? Я вот видел — улетела пара через забор, а потом назад вернулась.

— Хорошо им тут — вот и не улетают. А если и улетят, так недалёко, через улицу, на старую территорию. Там они из чужих загоронок корм воруют, вместе с воробьями: у бегемота овёс пареный таскают, у слона в сенной трухе роются. Погостят — и обратно домой, к своим утятам.

Вдруг женщина закричала:

— Вот он! Вот он!

Смотрю я, а по воде будто маленький чёрный шарик в разные стороны перекачивается. Задержится на одном месте и опять как по наклону покатится. От гуся к утке, от утки к лысухе — ко всем пристаёт.

Пищит-посвистывает.

Все его почему-то боятся. Подкатится к гусю, гусь шею вытянет — и вбок.

К утке подъедет, — утка от него чуть не нырнёт со страху.

— Нельзя ему в ту сторону плыть! — говорит женщина. — Там баклан в гнезде сидит — проглотит его, дурака. Скорее ловить его надо!

Бросились мужчина с женщиной на ту сторону озера, куда нам, посетителям, хода нет. Бегут, торопятся, прямо по лужам шлёпают.

Потом оба на четвереньках поползли, — будто кошки к мыши подкрадываются. Мужчина впереди ползёт.

Вдруг он притаился, замер — и раз в воду. Поймал!

— Поймали? — спрашиваю.

— Поймали! — кричат.

— Куда несёте?

— В лабораторию, а то заклюют его здесь.

— Кто же это такой?

— А лысушонок это. Первого птенца у нас лысуха вывела. Вон она, чёрная, лысая, на тумбе сидит, другие яйца досиживает. А этот беспризорником пока болтается.

— Дайте, — говорю, — пожалуйста, мне его зарисовать.

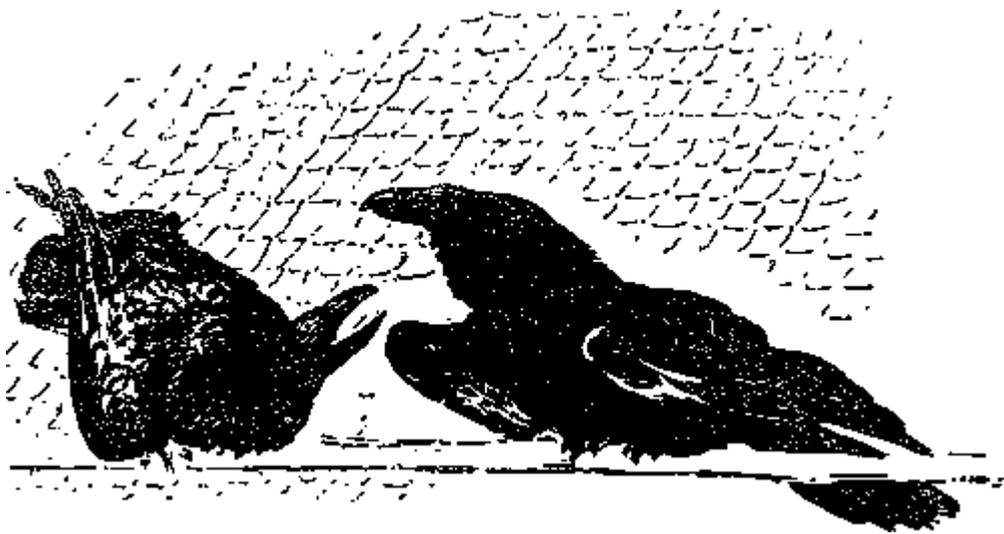
— Рисуйте, да поскорее.

— Ах, — говорю, — у меня с собой красок нет.

— Ничего, нарисуйте, а потом словами напишите, где у него какой цвет.

Я так и нарисовал. Вот он какой, лысушонок.

ЯША

Однажды я пошёл в зоосад. Там я посмотрел всех зверей и всех птиц.

Видел слона, павлина, крокодила, разных антилоп. Но почему-то всех больше мне понравилась простая рыжая кошка. Её звали Маруська. Она забралась в клетку к бобрам и сидела там, будто настоящий дикий зверь. А потом поймала огромную, противную крысу, вышла из клетки и понесла её в зубах мимо всех зверей.

Потом эта Маруська встретила служителя зоосада, отдала ему крысу и снова пошла в клетку к бобрам — ловить крыс.

Я ходил, ходил по зоосаду, устал и сел отдохнуть на скамейку. Передо мной была клетка-вольера, в которой жили два больших чёрных во́рона — ворон и воро-ниха.

Сижу я, отдыхаю, покуриваю. Вдруг один ворон

подскочил к самой решётке, посмотрел на меня и сказал человеческим голосом:

— Дай Яше горошку!

Я даже сначала испугался и растерялся.

— Чего, — говорю, — чего тебе надо?

— Горошку! Горошку! — закричал снова ворон. — Дай Яше горошку!

У меня в кармане никакого гороху не было, а было только целое пирожное, завёрнутое в бумагу, и новенькая блестящая копеечка. Я бросил ему сквозь прутья решётки копенку.

Яша взял денежку своим толстым клювом, ускакал с нею в угол и засунул в какую-то щёлку. Я отдал ему и пирожное.

Яша сначала покормил пирожным ворониху, а потом съел свою половину. Какая интересная и умная птица!

А я-то думал, что только одни попугаи могут выговаривать человеческие слова.

И там же, в зоосаду, я узнал, что можно научить говорить и сороку, и ворону, и галку, и маленького скворца.

Говорить их учат так. Надо посадить птицу в маленькую клетку и обязательно прикрыть платком, чтобы птица не развлекалась. А потом не торопясь, ровным голосом повторять одну и ту же фразу — раз двадцать, а то и тридцать.

После урока надо птицу угостить чем-нибудь вкусным и выпустить в большую клетку, где она всегда живёт.

Вот и вся премудрость.

Этого ворона Яшу так и учили говорить. И на двадцатый день ученья, как только его посадили в маленькую клетку и закрыли платком, он хрипло сказал из-под платка по-человечески:

— Дай Яше горошку! Дай Яше горошку!

Тут ему горошку и дали.

— Кушай, Яшенька, на здоровье.

Наверное, очень интересно держать у себя дома такую говорящую птицу. Проснёшься утром, а птица тебе крикнет:

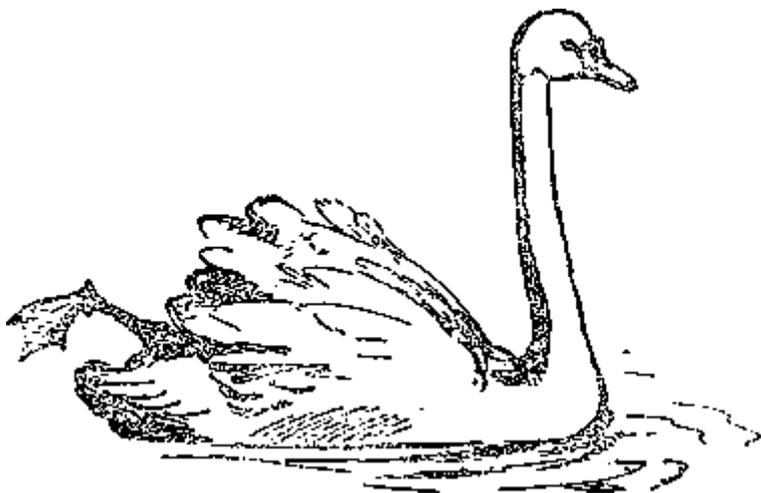
— С добрым утром! С добрым утром!

Или попросится:

— Эй, выпусти погулять! Выпусти!

Пожалуй, я куплю себе сороку или галку и научу её говорить.

ЦАПЛЯ

Когда рисуешь животных в зоосаду, тогда видишь гораздо больше.

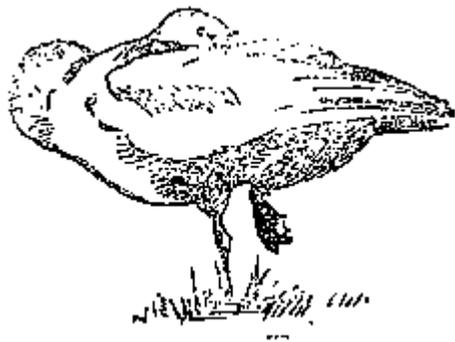
Это, наверно, потому, что животные перестают замечать неподвижного человека и занимаются своими делами.

Мы с сыном Никитой пошли в зоосад животных рисовать. Сначала подошли к лебедям. Самый большой из них заснул, стоя на одной ноге, — сразу не разберёшь, где у него голова, где хвост, будто это и не птица, а громадный белый куль на чёрной палочке. Никита его нарисовал:

— Видишь, как он свою длинную шею уложил на бок и на спину, а голову сунул за крыло?

Потом мы увидели лебедя на воде. Он плыл как-то странно, — вывернув ногу. Мы решили, — больной, значит. А оказывается, совсем не больной: это он так нежится.

Лежит в воде. Одну ногу поднимет, а второй гребёт. Потом на другой бок перевернется, другую ногу высунет и подставит солнцу и ветерку.

Рядом с озерком, где плавали лебеди и утки, в громадной клетке — тетерева, глухарь, фазан и куропатки: наши, северные, и южные — горные, называются кеклики. Такие кругленькие дикие курочки с яркокрасным клювом. Клюв у них так и светится красненьким, будто птица рябину всё время держит и проглотить не может.

Мы постояли, полюбовались... Одна куропатка стала купаться. Легла набок и в песке бултыхается, трепещется — совсем как домашняя курица. Никита её нарисовал, — вот она.

А фазан — линючий. Перья меняет. Видно, в это время птице тяжело.

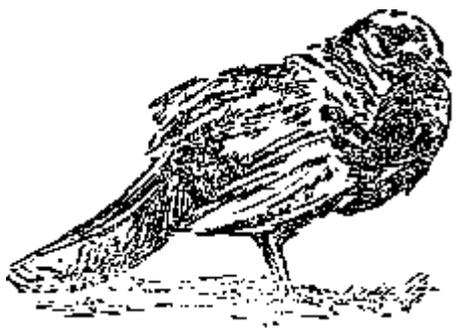
Она плохо себя чувствует. Фазан головой упёрся в угол и стоит. Рисовать, правда, его удобно: он совсем не шевелится.

Никита сделал с него целых пять набросков. А потом отломил длинный прутик с тополя, что рос рядом, просунул его сквозь металлическую сетку и подгрёб к себе несколько фазаньих расписных перьев. Двумя щепочками прихватил и вытянул наружу. Верно, — очень красивые перья. А одно из хвоста — длинное-длинное и всё в поперечных полосах.

Под конец мы подошли к цапле. Она в одной клетке с журавлями.

Журавли ходят всё время; у них пышные, вроде как кудрявые, чёрные хво-

сты из мягких длинных перьев. Затылок малиновый, сами серые. Очень приятные птицы, такие солидные, большие, красивые. Даже походка у них важная.

А цапля стоит, как истукан. Какая-то горбатая, нахохленная. Свою длинную шею сложила, как

складной аршин, голову вроде как между плеч втянула — только длинный клюв, как пика, торчит.

А глаз у цапли прямо какой-то не птичий даже, а рыбий: без выражения, неподвижный и как будто даже плоский.

И стоит это чучело на одной ноге, не шелохнётся.

Вот Никита рисует, а я закуриваю. И... тут всё как-то сразу случилось. Пролет воробей сквозь сетчатый потолок и опускается к кормушке. И как раз около цапли пролетает. И будто белая змея мелькнула в воздухе. Это выпрямилась длиннейшая шея у цапли, и страшно, отчаянно закричал воробей: его цапля на лету схватила клювом, как щипцами.

Я бросился к клетке, Никита тоже. Стали оба кричать. Никита альбомом для набросков заколотил в сетку.

Все птицы в вольере заметались... Цапля шарханулась и выпустила воробья, а он, дурачишка, поскакал по земле, как мышь. Быстро, быстро ускакал в тёмную сторону, в угол — и юрк в крысиную нору. Но нора оказалась сквозная — только через толстую доску. Он и улетел из клетки.

— Теперь я знаю, — говорит Никита, — что это такое — цапля! Это хищник, да еще какой. Вот я так и представляю себе. Стоит такая птичка в камыше, как

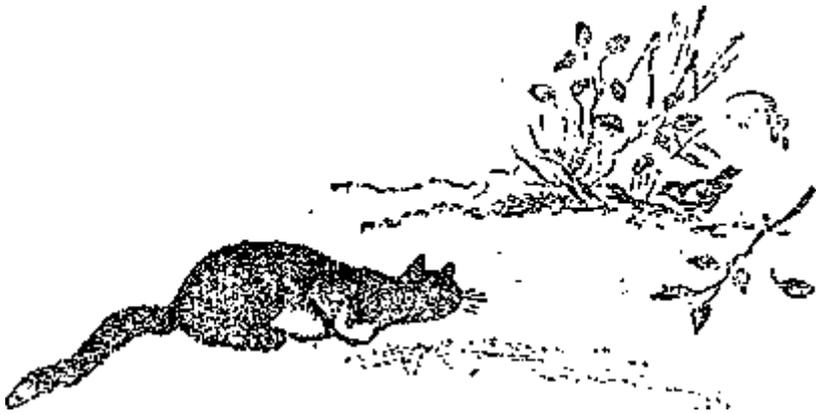
чучело. Не шевелится, лягушечьим своим глазом поводит. Прилетела овсянка-камышница. Рядом села на камышинку — раз! — и попалась к ней в клюв. Окуней стайка поближе подплыла. Раз! — и окуня нет!

Ну и птица! Недаром она и по виду какая-то гадкая.

— Нарисуй, — говорю, — Никита, как она ловит воробья, ведь интересно!

— Ни за что, — говорит, — не буду, даже и вспоминать не хочу.

КОШКА МАРУСЬКА

У деревенского охотника Никиты Ивановича жила пёстрая кошка Маруська. Плешивая кошка, худая, тощая, потому что Никита Иванович её очень плохо кормил.

Весной кошка Маруська с голоду стала ходить в лес на охоту. Потихоньку крадучись, чтобы деревенские собаки её не видели, уйдёт она из деревни и охотится в лесу. То мышку поймает, то изловит какую-нибудь птицу. Пошла она так однажды охотиться, да и осталась совсем жить в лесу.

Скоро кошка Маруська потолстела, похорошела, гладкой стала. Ходит по лесу, как разбойник, гнёзда разоряет — живёт в своё удовольствие.

Но вот пришла осень. Птицы из лесу улетели.

Только мыши остались на добычу кошке Маруське.

Потом и настоящая зима настала.

Мыши стали жить под снегом. Редко-редко когда выбегут. Пробегут поверху немного и опять уйдут в свои подснежные ходы-переходы.

Плохо тут пришлось Маруське. И холодно, и голодно. Как прокормиться?

Стала она устраивать засады. Залезет на дерево и лежит на суку: ждёт, не пробежит ли под деревом мышка или заяц. А если побежит, Маруська тогда сверху и кинется.

Недобычливая такая охота. Отощала кошка, похудела, стала злошей-презлющей, как дикий зверь.

Однажды Никита Иванович собрался на охоту.

Надел заячью шапку-ушанку, овчинный полушубок, взял ружьё, взял мешок для добычи и пошёл на лыжах в лес.

Идёт он по лесу и разные звериные следы разбирает.

Вот заяц прыгал — наследил, вот лиса прошла, а вот белка от дерева к дереву по снежку проскакала.

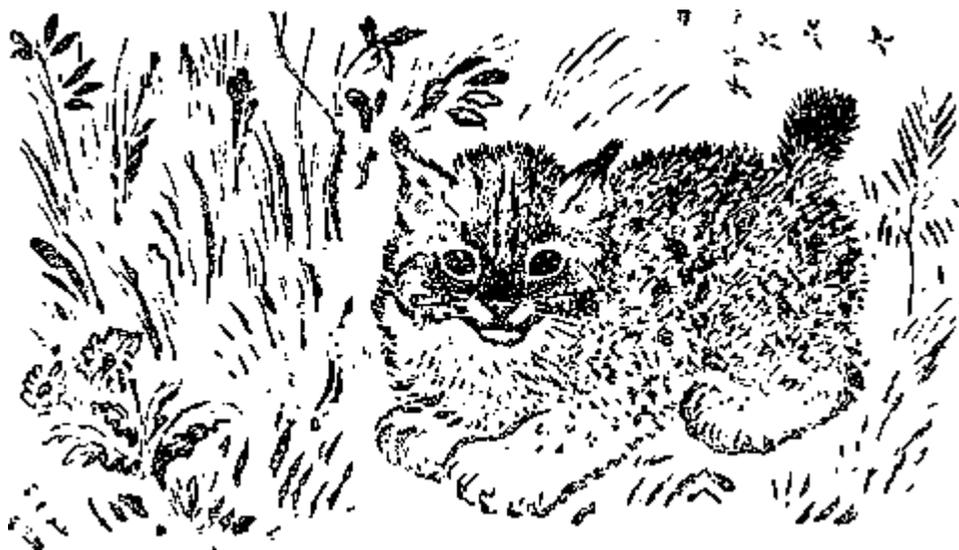
Проходит он мимо высокой толстой ели, и вдруг как свалится ему прямо на голову какой-то зверь. Когтями его заячью шапку рвёт, шипит, ворчит.

Никита хватя зверя обеими руками — так вместе с шапкой и снял с головы. Хотел бросить зверя на землю, — глядит: да это его пёстрая кошка Маруська! Тощая-претошая, одна кожа да кости.

— Эх ты, — засмеялся Никита Иванович, — горе-охотник! Заячью шапку с зайцем спутала.

Пожалел он её, принёс домой и с тех пор стал кормить как следует.

ЛЕСНОЙ КОТЁНОК

На полянке ручеек течёт. И трава кругом густая, разноцветная, от цветов разноцветная. Тут и пчёлы работают, и шмель гудит.

А у сосенки, у трёхлетки, что мне по колено ростом, толкунцы толкутся, комары. Всея кучей на одном месте подпрыгивают.

А полянка-то маленькая, будто комнатка — шагов пять в ширину, десять в длину.

Стеной вокруг смородина растёт, в смородине рябина, под рябиной малина.

А дальше настоящий лес обступил поляну. Еловый лес.

Иду я с ружьём по лесу. Увидел эту гущину — малину, смородину, рябину — и полез в кусты. Смотрю, — а за кустами эта самая полянка. Ишь ты, как запряталась.

«А нет ли тут дичи?» — думаю.

Высматриваю потихоньку сквозь смородину и вижу: как раз посерединке дичь ходит.

Маленький-маленький котёночек ходит, большеголовый котёночек. Хвост короткий — не хвост, а хвостик. Мордочка пучеглазая, глаза глупые. А ростом он с полкошки всего.

Играет себе котёночек. Схватил в рот длинную соломинку, а сам упал на спину и задними ногами соломинку кверху подпинает. Задние-то ноги у него длиннее передних, а ступни у ног толстые, с подушечками.

Надоела котёнку соломина. За мухой погнался, потом цветок лапой ударил. Схватил цветок, пожевал и выплюнул, головой мотает, — горький, видно, цветок попал.

Отплевался, отфыркался, посидел немного так, спокойненько, и вдруг тучу толкунцов-комаров заметил. Подполз к ним, прыгнул и передние лапы врозь расставил, — видно, хотел всех комаров в охапку поймать. Да ни одного не поймал.

А тут шмель попал на глаза.

Подобрался котёнок и к шмелю — да как даст задней лапой по ромашке, на которой сидел шмель, и сшиб его наземь.

Ловко орудует задней ногой. Как передней. Домашней кошке так не суметь.

Сшиб он шмеля на землю, а потом как запищит, замаячит. Ужалил его шмель.

Хотел было я ему помочь, яд выдавить, шмелиное жало вытащить. Да вдруг сообразил: нет, никак нельзя. И похолодел я весь со страха. Не помню, как на ноги вскочил и бежать пустился. Что есть мочи от котёнка удираю, только глаза заслоняю от веток.

Яма на пути — я через яму. Куст — я через куст. И такая во мне прыть от страха, что рад был одним махом через весь лес перепрыгнуть.

Бегу, скачу. Километра два, наверное, этак проскакал. Выбежал, наконец, на луг и упал в траву — так и грохнулся. Уж и ноги меня не держат, и сердце бьётся, колотится.

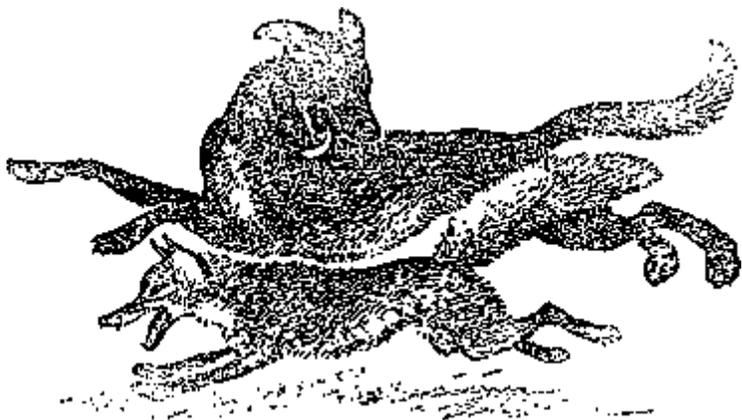
«Хорошо, — думаю, — что ноги от котёнка унёс».

Котёнок-то не простой был — это рысёнок был. Значит, и мать его недалёко где-то бродила. Пока он играл себе тихо-мирно на полянке, ловил мух да соломинки жевал, мать своим делом занималась — охотилась.

А как подал он голос, запищал, завопил, — тут уж рысь, конечно, к нему — на помощь, на выручку. И разорвала бы меня в клочки, если бы я ей по дороге попался.

А ружьё у меня, как назло, самой мелкой дробью было заряжено — на рябчика, на мелкую дичь. Где уж тут с рысихой сладить! Рысиха-мать — с доброго волка.

ДРУЗЬЯ

Однажды лесник расчищал в лесу просеку и высмотрел лисью нору.

Он раскопал нору и нашёл там одного маленького лисёнка. Видно, лисица-мать успела остальных перетащить в другое место. А у этого лесника уже жил дома щенок. Тоже еще совсем маленький. Щенку был от роду один месяц. Вот и стали лисёнок и щенок расти вместе.

И спят они рядышком, и играют вместе.

Очень занятно они играли! Лисёнок лазал и прыгал, как настоящая кошка. Прыгнет на скамейку, а со скамейки на стол, хвост задерёт трубой кверху и смотрит вниз.

А щенок ползет на лавку — хлоп! — и упадёт. Лает, бегает вокруг стола целый час. А потом лисёнок спрыгнет вниз, и оба лягут спать. Поспят-поспят, отдохнут и снова начнут гоняться друг за другом. Щенка звали Огарок, потому что он был весь рыжий, будто огонь. А лисёнка лесник назвал Васькой, как кота: он лаял тоненьким голоском, будто мяукал.

Всё лето щенок и лисёнок прожили вместе, а к осени оба выросли. Щенок стал заправским гончаром, а лисёнок оделся в густую шубу. Лесник посадил лисёнка на цепь, чтобы он не убежал в лес.

Ему жалко было стрелять лису, уж очень она была ласковая.

А с гончим Огарком лесник ходил на охоту и стрелял зайцев.

Вот однажды вышел лесник утром покормить лису. Глядит, — а у лисей будки одна цепь и рванный ошейник. Убежала лиса.

«Ну, — подумал лесник, — теперь мне не жалко тебя и застрелить. Видно, не бывать тебе ручным зверем. Дикарь ты, дикарь».

Вызвал он своего Огарка, снял с полки ружьё.

— Ищи, — говорит, — Огарок. Ищи своего приятеля. — И показал следы на снегу.

Огарок залаял и побежал по следу. Гонит, лает, — по следу идёт. И ушёл он далеко-далеко в лес, еле его слышно.

Вот он и совсем замолк. А вот снова сюда идёт, — лай всё ближе, ближе.

Лесник спрятался за ёлку на опушке, взвёл курки на ружьё.

И вот видит: выбежали из лесу разом двое. Лиса и собака.

Собака лает и повизгивает.

И бегут они по белому снегу рядышком. Как настоящие приятели — плечо к плечу.

Вместе кочки перескакивают, друг на друга смотрят и будто улыбаются. Ну как тут стрелять! Ведь собаку убьёшь!

Увидали звери лесника, подбежали.

Васька прыгнул к нему на плечи, а пёс встал на задние лапы, упёрся в грудь хозяину и хамкает, и ловит шутя лисий хвост.

— Эй вы, чертенята! — сказал лесник. Спустил курки на ружье и вернулся домой.

И так жила лиса у него в избе всю зиму — не на цепи, а просто так. А весной стала уходить в лес — мышей ловить. Ловила-ловила, да и осталась в лесу совсем.

А Огарок с тех пор не гонит лисиц. Видно, все лисицы ему стали друзья.

МЕДВЕДЬ-РЫБАК

В прошлом году я всю зиму жил на Камчатке. А ведь это самый край нашей Родины. Там я и весну встречал. Интересно начинается камчатская весна, не по-нашему.

Как побегут ручьи, как вскроются камчатские речки, прилетает из Индии красный воробей-чечевица и везде поёт свою песню чистым, флейтовым свистом:

Чавычу видел?

Чавычу видел?

Чавычу видел?

А чавыча — это такая рыба лососевой породы. И тут-то начинается самое интересное в камчатской весне.

В это самое время вся рыба из океана заходит в речки, в ручьи, чтобы в самых истоках, в проточной пресной воде, метать икру. Идёт рыба табунами, косяками, стаями; рыбы лезут, торопятся, толкаются, —

видно, тяжело им: животы у них раздуты, полны икрой или моло'ками. Иногда они плывут так густо, что нижние по дну ползут, а верхних из воды выпирает.

Ох как много идёт рыбы!

А говорят, встарину, когда на Камчатке было совсем мало людей, рыба шла ещё гуще. В старинных записях так и сказано, что весло в реках стояло и против течения шло «попом».

Тут все жители рыбу ловят: мальчишки своими штанами или острыми кольями, как копьями, рыбу колют, взрослые сетями, острогой, сачками. Все радуются, галдят. И тоже спрашивают друг друга:

Чавычу видел?

Чавычу видел?

Чавычу видел?

А она изредка проплывает — эта чавыча, огромный, драгоценный лосось.

Плывёт она по дну среди мелкой рыбы — горбуши. Будто свинья с поросятами по двору проходит.

А через несколько дней вся эта рыба сваливается обратно, в солёную воду. Только уж не косяками, не табунами плывёт она, а вразброд, каждая по-своему. Кто — хвостом вперёд, а кого и по дну катит и выкатывает на берег, как гнилое полешко. Вся рыба еле живая, больная, «снулая». Выметала она икру и обесси- лела.

И теперь уже по всей Камчатке другие рыбаки орудуют. Кто каркает, кто крякает, кто мяучит. Это ди- кие рыбаки рыбачат.

Когда пошла рыба в реки, я вместе со всеми ки- нулся её ловить. Несколько суток не отходил я от речки и спал на берегу. Вдосталь наловился. Устал. «Пойду-ка, — думаю, — в лес, отдохну да и тосмотрю

заодно" лесных рыбаков. Как-то они с делом справляются?» И ушёл далеко-далеко от селения.

Хорошо весной в лесу. Берёзы распускают свои клейкие листья, стоят прозрачные, будто не деревья, а дымок зелёный. Среди них темнеют плотные ели и высокий можжевельник.

Воздух чистый, лёгкий, еловой смолой пахнет, молодым листом, прелой землёй.

И хор птичий... А голоса-то какие замечательные! И флейта поёт, и трель рассыпается, и чёканье, и по-свисты.

Солнце печёт во-всю. А тень еще холодная.

Я подошёл к берегу речки, притаился и сразу увидел рыбака.

Ай да мужик-богатырь! Ростом с воробья. Рыба его раз в тридцать больше.

Это голоногий куличиха рыбачит. Вокруг рыбы бегают, суетятся, клюёт. А рыбу из воды на берег выкинуло: дохлая.

Пищит кулик, ногами семенит.

Потом прилетели два ворона. Спугнули кулика, а сами рыбу не трогают.

Видно, уж поели досыта. Как сели на отмель, так и заснули. Сидят носатые, чёрные, глаза закрыли. Налетели чайки с криком, с гамом. Стали потрошить эту рыбину. Одна голова осталась.

Наглotalись чайки рыбьего мяса и дальше отправились. А вороны всё спят, не шевелятся.

Как удачно я выбрал место!

Тут, у речки, крутая излучина, и всё, что поверху плывёт, вода выкидывает на берег.

Пока я тут был, трёх рыб. к берегу прибило течением.

Гляжу — с того берега по камням спускается лиса. Паршивая такая. Шерсть ключьями на боках висит: сбрасывает зимнюю шубу Лиса Патрикеевна. Спу-

сталась она к воде, воровато схватила ближнюю рыбу и спряталась с нею за камень. Потом опять показала, облизывается, и вторую рыбу утащила.

Вдруг лай, вой, визг поднялся: прибежали собаки деревенские — да как бросятся с обрыва к воде, к лисице. Видно, учуяли её сверху. Лиса берегом, берегом вверх — и в лес. Собаки за ней.

Ну и я ушёл. Кого мне тут ждать?

Ни один зверь теперь не придёт сюда: собачьих следов испугается.

Снова я пошёл по ручьям и по речкам.

Видал, как другая лиса рыбу ела — смаковала. Выедала только спинки.

Ещё крохаля видал большого — с гуся. Он спал среди объедков. До отвалу наглотался рыбы.

А потом и я прилёг и заснул незаметно. Разморило меня.

Долго ли спал — не знаю. Только вижу я сон: будто делаю я какую-то замечательную вещь, не то самолёт, не то молотилку, а может — и башню какую. По порядку видится сон: сначала работал я, потом устал и тоже лёг спать.

Лёг и громко-громко захрапел.

И потом во сне же соображаю:

«Да как же это так? Ведь я никогда не храплю. Не умею».

И тут у меня всё как-то спуталось. Уж я наполовину проснулся, а сон продолжаю видеть, что будто лежу и храплю.

Знаю, что это неправда. Сержусь даже.

Рассердился, проснулся, открыл глаза. Что за чудо! Храплю. Я даже испугался. Как так?

Потом очухался... Да нет, это не я храплю... И на храп совсем не похоже.

Это кто-то рычит неподалёку, фыркает, плещется. Поднял я голову. Смотрю — в реке медведь сидит.

Здоровенный медведь — старик-камчадал. Вот тебе я сон с храпом!..

А ружья у меня нет. Что делать? Убираться надо подобру-поздорову.

Начал я осторожно-осторожно отползать от речки... И вдруг задел за какой-то камень. Камень этот покатился и в воду — плюх! Я так и замер. Лежу, не дышу и глаза закрыл. Сейчас задерёт меня медведь. Вот выберется на берег, увидит — и конец. Ух, и здо'рово же я струсил! Даже пятки похолодели.

'Долго я лежал, пошелохнуться боялся. Потом слышу: будто всё ладно. Медведь порявкивает на старом месте, ворчит. Неужели он не слышал, как камень плюхнулся в воду?

Глухой он, что ли?

Я осмелел и выглянул из-за кустов. А потом присмотрелся немного и совсем страх забыл. Этот медведь тоже рыбу ловил. И до чего чудно!

Сидит Михайло Иванович по горло в воде, только голова сухая из воды торчит, как пень. Башка у него громадная, мохнатая, с мокрой бородой. Он её то на один бок наклонит, то на другой: рыбу высматривает.

А вода совсем прозрачная: мне медведя всего видно, как он там орудует лапами, и туловище медвежье вижу.

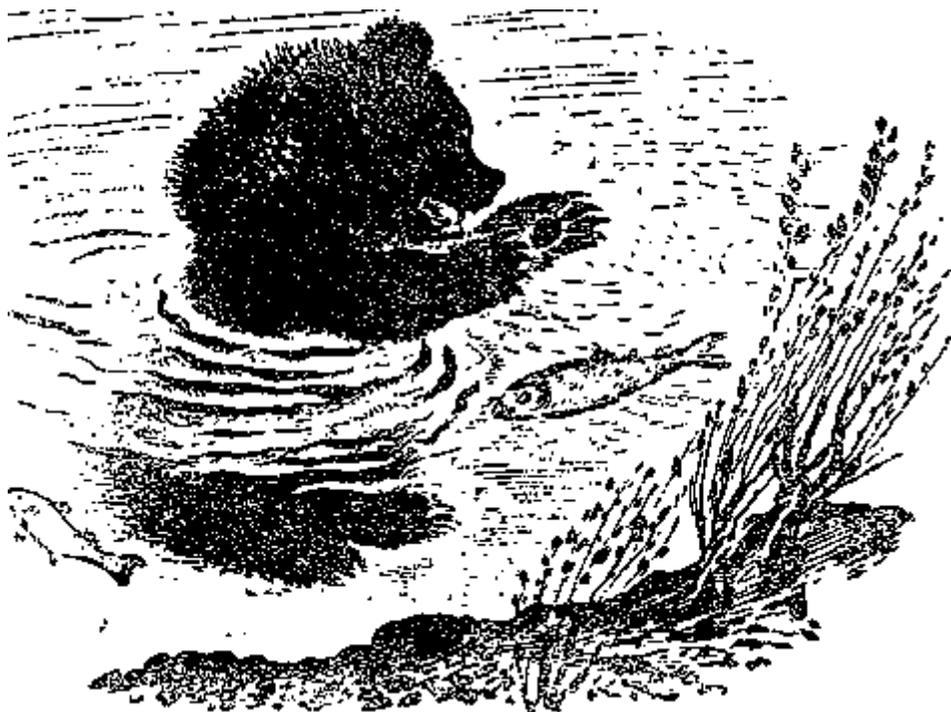
К туловищу шерсть прилипла, и тело у медведя кажется не по голове. Головастый он такой получается. Маленький и головастый.

Сидит этот медведь. И вдруг что-то лапами стал в воде хватать. Вижу: достаёт рыбу — горбушу. Прикусил он горбушу и... сел на неё.

«Зачем это он, — я думаю, — на рыбу-то сел?»

Сел и сидит в воде на рыбе. Да еще и проверяет лапами: тут ли, под ним ли?

Вот плывёт мимо вторая рыба, и её медведь поймал. Прикусил и тоже на неё садится. А когда сядился,

так, конечно, привстал. И первую рыбу течением из-под него утащило. Мне-то сверху всё видно, как эта горбуша покатилась по дну. А медведь как рявкнет! Потерялась рыба. Ах ты! Непонятно ему, бедняге, что такое с его запасом делается, куда он девается. Посидит, посидит да и пощупает лапой под собой: тут ли рыба, не убежала ли? А как схватит новую, опять я вижу: старая выкатилась из-под него, — и ищи-свищи.

Ведь на самом деле обида какая: теряется рыба, и всё тут!

Долго-долго сидел он на рыбе, ворчал, даже пропустил две рыбины, не решился ловить; я видел, как они проплыли мимо. Потом опять — р-раз! Подцепил лапой горбушу. И опять всё по-старому: нет прежней рыбы.

Я лежу на берегу, хочется мне посмеяться, а сме-

яться нельзя. Попробуй-ка посмейся! Тут тебя медведь со злости съест вместе с пуговицами.

Громадную сонную чавычу натащило на медведя. Стрѐб он её, кладѐт под себя...

Ну, конечно, под ним пусто.

Тут медведь так обиделся, что и чавычу забыл, заревел во всю мочь, прямо как паровоз. Поднялся на дыбы, лапами бѐт по воде, воду сбивает в пену. Ревѐт, захлѐбывается.

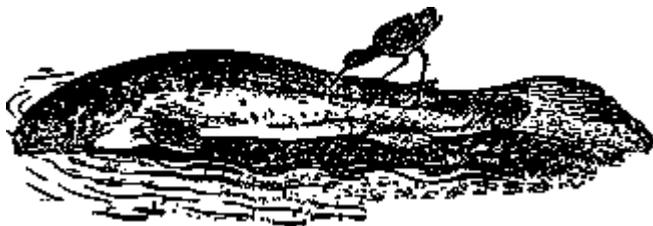
Ну уж тут и я не вытерпел. Как прысну! Как захохочу! Услыхал меня медведь, увидал. Стоит в воде, как человек, на двух лапах и на меня смотрит.

А мне до того смешно, что я уж ничего не боюсь, хохочу-заливаюсь, руками машу: уходи, мол, дурак, мочи больше нет! Уходи!

И на моѐ счастье, верно, так и вышло.

Рявкнул медведь, вылез из воды, отряхнулся и ушѐл в лес.

А чавычу опять потащило течение.

СВИНЬЯ

Знаешь ли ты, как делают деревянные ложки?

Вот как. Сначала осину или берёзу распилят на коротенькие полешки, потом полешки колют на баклушки, а потом теслом теслят — долбят ямку в ложке. А потом уж острым ножом состругивают лишнее и ровняют.

Коры и стружки от этой работы получаютя прямо горы.

У меня есть знакомый ложечник Егорыч. Он делает прекрасные ложки. И простые осиновые, и берёзовые «с красотой», как он говорит. Такая ложка «с красотой», верно, очень красива. Черенок у этой ложки не простой, а фигурный. Это или рыбка с хвостом и перьями-плавниками, или птичка. Или узорный — замысловато вырезан.

Егорыч — бобыль. У него никого нет на свете. Живёт он один и каждую весну уходит глубоко в лес. Живёт там в землянке у озера в стругает свои ложки. Съестное Егорыч в свою землянку завезёт еще по снегу зимой, потому что летом по болотам трудно добраться. Весной в лесу есть и своя еда — лесная. Весной ёлка цветёт. На еловых лапах растут красные столбики. Их можно есть. А бывает еще сосновый и еловый огурец.

Между старой, твёрдой корой и древесиной — слой молодого дерева. Этот слой отдирается пластинами. Прозрачный и, верно, хрустит на зубах, как огурчик.

А у болот растут хвощи. Это такая трава, похожая на ёлочки. В наших краях хвощи зовутся пестами. Потому что хвощ похож на пестик. Он еще не распустился в ёлочку и торчит из земли столбиком. Эти песты надо собрать, посолить и зажарить в масле на сковороде. Получается очень вкусно. Похоже на печёнку.

Я охотился в этих лесах и завернул к Егорычу переночевать. Егорыч мне обрадовался, подарил самую красивую ложку, у которой на черенке была вырезана рыба, щука, а сама ложка расписана цветами.

Угостил меня чайком да жареными пестиками. И рассказал интересную историю.

— Вот слушай, — сказал мне Егорыч, когда мы закурили после чаю махорку и разлеглись в землянке на сенниках. — Нынче весной пришлось мне много сделать ложек. Щепок да стружек осиновых, наверно, воза два я свалил у озера. Я это к тому говорю, что, не будь этой стружки, ничего бы не случилось.

Сижу я как-то вечером в землянке и стругаю ложки. Хотел закурить, чиркнул спичкой... Вдруг как затрещат сучья в лесу. Видно, какой-то зверь убежал. А ночью на рассвете слышу: кто-то ходит осторожно у землянки. То веточка хрустнет, то камешек покажется.

«Ну, — думаю, — не злой ли человек пришёл, бродяга, а может — медведь?»

Взял я топор в руки и вышел. Никого нет.

Вторую ночь опять кто-то ходит.

Чурбашки мокли в корыте. Чурбашки, слышу, застучали, и вода заплескалась, а потом по берегу озера зачавкали ноги по сырой земле. И всю ночь кто-то ходил.

Вот я утром встал раненько и смотрю: на берегу озера следы, ну совсем такие, будто свинья ходила.

Я хоть и не охотник, но вижу: два копытца есть на каждой ноге. Ну, раз свинья, так свинья пускай ходит. Только удивительно, думаю, как это свинья зашла так далеко в лес. Ведь от деревни до меня двенадцать километров. Наверно, голодная эта свинья. Надо, думаю, её в сарай на ночь запирать. Волков, правда, у нас нет, но медведь бродит.

Выстроил загородку и приделал западню: как свинья войдёт в хлев, ступит ногой на доску, тут сзади неё двери и закроются.

Я положил в этот сарай два ломтя хлеба и поставил кадушку с пойлом.

Ну, думаю, моя сейчас свинья!

Этой ночью опять свинья бродила вокруг землянки, опять зачем-то пила горькую воду из корыта, где мокли осиновые чурбашки.

Ходила свинья вокруг да около, а в сарай и не заглянула. Тогда я днём набросал хлеба у сарая, кусочек к кусочку. Сделал хлебную дорожку от корыта до сарая. Сосчитал, так вышло тридцать четыре хлебных кусочка.

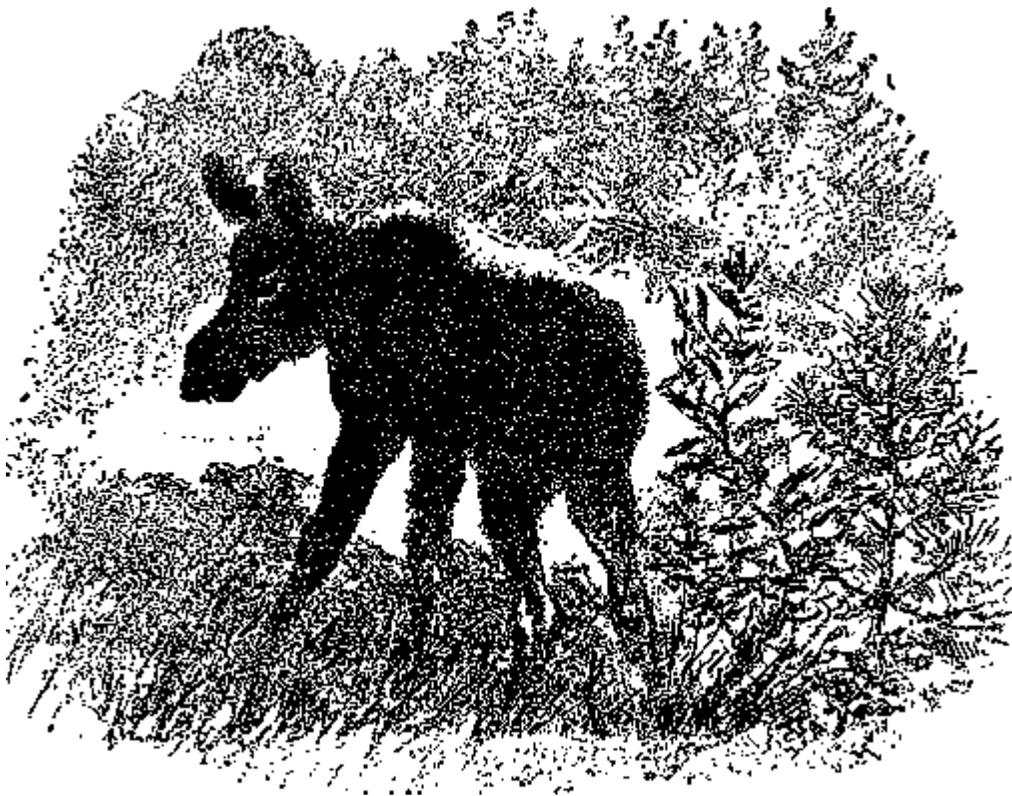
Ну, думаю, уж сейчас-то непременно зайдёт свинья в сарай. Будет кусочек за кусочком подбирать и попадётся.

Наутро смотрю: в сарае никого нет, а кусочков стало меньше — двадцать девять штук.

Вот ночью слышу: хрустит свинья как раз у окошечка, что-то жуёт. Я потихоньку выглянул и вижу: да ведь это не свинья! Это кто-то большеголовый, на длинных ногах, ростом с жеребёнка.

Пригляделся и узнал: это лосёнок!

А лосёнок наклонился над колодкой с горькой водой и пьёт, причмокивает, потом взял в губы кусок осиновой коры и стал жевать.

Эх, вот бы мне его поймать!

Я немного высунулся и стал причмокивать губами, звать его.

Потихоньку-потихоньку, чтоб не напугать.

Насторожил тут уши лосёнок. Посмотрел ко мне в окно — да как прыснет в туман. Грязь прямо мне в лицо шлёпнулась, затрещали сучья, — и нет никого. Только дыра в тумане осталась, заплывает. Но я всё-таки этого лосёнка поймал — не на хлеб, а на осиновую кору, на корыто с осиновым настоем.

Очень славный был этот лосёнок. Горбоносый, длинноногий, мягкий. Наверно, сиротка. Не иначе — медведь съел его мать, или какой-нибудь дурак-охотник застрелил матку на мясо. Лосёнок научился есть хлеб, и кашу ел, и картошку. А посолишь посолонее —

и ест лосёнок пожаднее. Видно, соль ему очень нрави-
лась. Вот так мы и жили.

Я ложки стругаю, лосёнок кашу ест с солью да
горькие стружки сосёт. Однажды заглянул я как-то
в ларёк, а муки да крупы у меня уж немного. Я и вы-
пустил лосёнка из стойла.

И что бы вы думали?! Лосёнок ко мне сам залез
в землянку. Вот какой стал ручной да ласковый! При-
шёл в землянку и стонет, по-лосиному мычит: ых! ых!
ых! Просит соли.

Так жили мы с лосёнком целое лето.

А к осени ушёл лосёнок. Видно, в лесу увидел
своих, пристал к ним и ушёл.

КОТ ЕПИФАН

Хорошо и привольно на Волге-реке!

Посмотри, ширина-то какая! Другой берег еле видно! Блестит эта живая, текучая вода. И всё небо в эту воду смотрится: и облака, и голубая лазурь, и кулички, что, пересвистываясь, перелетают кучкой с песка на песок, и стаи гусей и уток, и самолёт, на котором человек куда-то летит по своим делам, и белые пароходы с чёрным дымом, и баржи, и берега, и радуга на небе.

Посмотришь на это текучее море, посмотришь на облака ходячие, и кажется тебе, что и берега тоже куда-то идут — тоже ходят и двигаются, как и всё кругом.

Вот там, на Волге, в землянке, в «самом волжском

берегу, в крутом обрыве, жил сторож-бакенщик. Посмотришь с реки — увидишь только окно да дверь. Посмотришь с берега — одна железная труба торчит из травы. Весь дом у него в земле.

По Волге день и ночь плывут пароходы. Пыхтят буксиры, дымят, тянут на канатах за собой баржи-беляны, везут разные грузы или тащат длинные плоты.

Медленно поднимаются они против течения, шлёпают по воде колёсами. Вот идёт такой пароход, везёт яблоки — и запахнет сладким яблоком на всю Волгу.

Или рыбой запахнет, — значит, везут воблу из Астрахани.

Бегут почтово-пассажирские пароходы, одноэтажные и двухэтажные. Эти плывут сами по себе.

Но быстрее всех проходят двухэтажные скорые пароходы с голубой лентой на трубе. Они останавливаются только у больших пристаней, и после них высокие волны расходятся по воде, раскатываются по песку.

Старый бакенщик около мелей и перекатов ставлял по реке красные и белые бакены. Это такие пловучие плетёные корзины с фонарём наверху. Бакены показывают верную дорогу.

Ночью старик ездил на лодке, зажигал на бакенах фонари, а утром тушил. Тогда электричества еще не было. А в другое время старик-бакенщик рыбачил. Он — завятой рыбак.

Однажды старик рыбачил весь день. Наловил себе рыбы на уху: лещей, да подлещиков, да ершей. И приехал обратно. Открыл он дверь в землянку и смотрит: вот так штука! К нему, оказывается, гость пришёл! На столе рядом с горшком картофеля сидит весь белый-белый, пушистый кот.

Гость увидал хозяина, выгнул спину и стал тереться боком о горшок. Весь свой белый бок испачкал в саже.

— Ты откуда пришёл, из каких местностей?

А кот мурлычет и глаза щурит, и ещё больше себе бок пачкает, натирает сажей. И глаза у него разные. Один глаз совсем голубой, а другой совсем жёлтый.

— Ну, угощайся, — сказал бакенщик и дал коту ерша.

Кот схватил в когти рыбку, поурчал немного и съел её. Съел и облизывается, — видно, ещё хочет.

И кот съел ещё четыре рыбки. А потом прыгнул на сенник к старику и задремал. Развалился на сеннике, мурлычет, то одну лапу вытянет, то другую, то на одной лапе выпустит когти, то на другой. И так ему, видно, тут понравилось, что он остался совсем жить' у старика.

А старик-бакенщик и рад. Вдвоём куда веселее.

Так и стали они жить.

Бакенщику не с кем было раньше поговорить, а теперь он стал разговаривать с котом, назвал его Елифаном. Не с кем было раньше рыбу ловить, а теперь кот стал с ним на лодке ездить. Сидит в лодке на корме и будто правит.

Вечером старик и говорит:

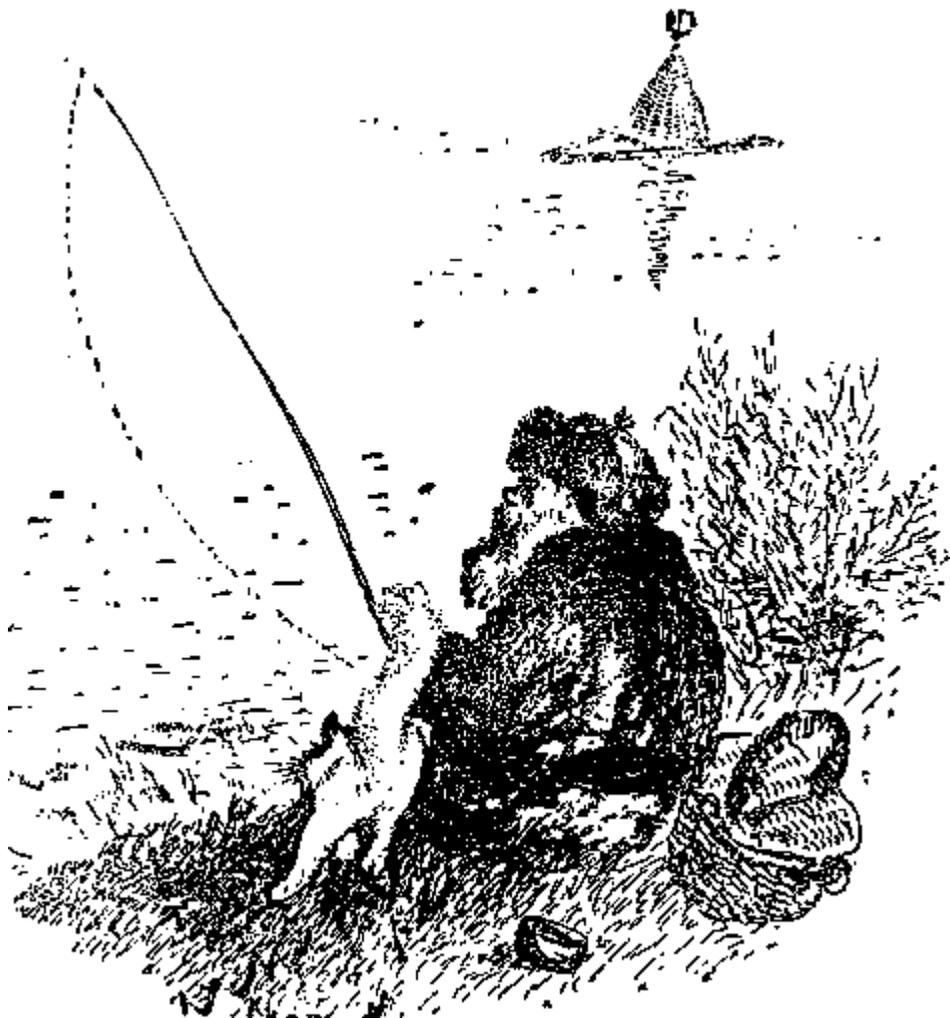
— Ну, как, Елифанушка, не пора ли нам бакены зажигать, — ведь, пожалуй, скоро темно будет? Не зажжём бакены, — сядут наши пароходы на мель.

А кот будто и знает, что такое бакены зажигать. Ни слова не говоря, идёт он к реке, залезает в лодку и ждёт старика, когда тот придёт с вёслами да с керосином для фонарей.

Съездят они, зажгут фонари на бакенах — и обратно.

И рыбачат они вместе. Удит старик рыбу, а Елифан сидит рядом.

Поймалась маленькая рыбка — её коту. Поймалась большая — старику на уху.

Так уж и повелось.

Вместе служат, вместе и рыбачат.

Вот однажды сидел бакенщик со своим котом Епифаном на берегу и удил рыбу. И вот сильно клюнула какая-то рыба. Выдернул её старик из воды, смотрит, — да это жадный ершишка заглотал червяка. Ростом с мизинец, а дёргает, как большая щука. Старик снял его с крючка и протянул коту.

— На, — говорит, — Епифаша, пожуй немножко. А Епифаши-то и нет.

Потом видит старик, что его кот ушёл далеко-далеко по берегу, белеется на плотках.

«С чего это он туда пошёл, — подумал старик, — и что он там делает? Пойду взгляну».

Смотрит, — а его кот Епифан сам рыбу ловит.

Лежит пластом на бревне, опустил лапу в воду, не шевелится, даже не моргает. А когда рыбёшки выплыли стайкой из-под бревна, он — раз! — и подцепил когтями одну рыбку.

Очень удивился старик-бакенщик.

— Вот ты какой у меня ловкач, — говорит, — ай да Епифан, ай да рыбака! А ну, поймай-ка мне, — говорит, — стерлядку на уху, да пожирнее.

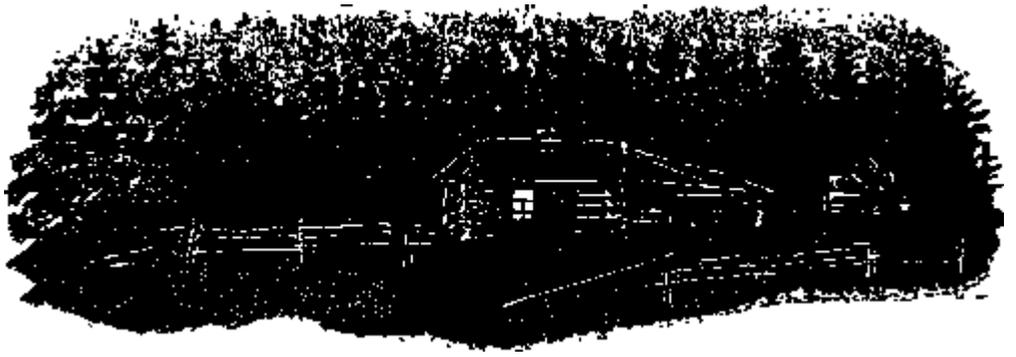
А кот на него и не глядит.

Рыбку съел, перешёл на другое место, снова лёг с бревна рыбу удить.

С тех пор так они и ловили рыбу врозь — и каждый по-своему: рыбака — снастями да удочкой с крючком, а кот Епифан — лапой с когтями.

А бакены вместе зажигали.

ТЕТЕРЕВ И ПЕТУХ

Город, в котором я вырос, встарину был крепостью. Построили его у реки, на холмах, чтобы издалека углядеть неприятеля. И леса, и луга, и речки с озёрами далеко во все стороны видны с наших холмов.

Разлеглись леса с перелесками, с полянами до самого синего края, откуда белые облака ползут.

А наш дом на самом высоком холме стоит.

Как наступит весна, я на крышу залезаю. А там всё по-другому, не то что внизу. А там — чисто, просторно. Только крыши, дождём вымытые, только небо и лес дальний.

Да шум наверху слышишь какой-то другой, особенный, звонкий шум. Жаворонок прямо над головой висит, будто на ниточке подвешенный.

По самой высоте гуси летят. Вытянулись длинной вожжей, переговариваются — гогочут.

И журавли курлыкают где-то, — их не видно.

А ещё выше какие-то белые пятнышки поблёскивают — так высоко, что глазу больно на них смотреть. Лебеди летят!

Заглядишься на них — и вдруг над самой твоей го-

ловой как просвистит что-то. Это низко-низко, на сажень от труб, проносится табунок уток.

Утки маленькие — чирочки. Они с голубя, даже меньше. Ух, работают! Так и слышно, как воздух крыльями режут.

А за ними кто-то толстый поспекает, намахивает. Ага! Это кряква-утка. От своих, видно, отбилась да и пристала по пути к чужой компании — к чиркам.

Трудно ей с ними вровень лететь. Отстаёт бедняга.

Я уж не первый год весной на крышу забираюсь. Всех перелётных птиц по голосу и по лёту знаю.

Лежу на крыше, с боку на бок поворачиваюсь. А устанут глаза смотреть вдаль, в синюю вышину, я для отдыха свою же крышу разглядываю.

Она тоже весной особенная. Изю всех щёлок, где скопилась сырая труха, начинает выбиваться из-под досок какая-то травка. Крыша-то у нас старая, трухлявая.

На трубе нашей кирпичной, на самом солнцепёке, муха сидит, вся бронзовая, зелёная. Греется. Красивая муха. Да ну её, муху. Не ради мухи я на крышу залез.

Я на речки, на лес смотрю, на озёра, на луга дальние. Они так и ходят в нагретом воздухе, колыхаются, будто живые.

Вон озерко с гривенник величиной. А по-настоящему-то оно большое.

Наверно, на нём сейчас пролётные утки сидят, отдыхают. А вон осинник, — там тетерева должны быть.

Вон полянка за осинником. Уж это ясно, что тетеревиная полянка. Это ток тетеревиный.

Туда тетерева-косачи слетаются по утрам драться в тумане, чуфыкать и бормотать. А тетёрки, что курицы,

квохчут, смотрят с ёлок, как косачи на земле шибаются.

Тут-то в самый раз и стрелять косачей!

Вот слезу я с крыши, пошарю на кухне, нет ли чего-нибудь съедобного: хлеба, сухарей, картошки — хоть сырой, хоть варёной. Соли в бумажку захвачу, чайничек в тёмных сенцах нащупаю. Ружьё за спину — и айда!

Пока не найду тетеревиную полянку, домой не вернусь. Хорошо, мягко итти по весенней земле.

Мнут мои болотные сапоги сырую землю, как из губки воду выжимают, причавкивают. Иду я лесом, полем, лугом.

Да где же она, эта полянка моя? Куда задевалась? Ведь с крыши-то её как на ладони видел! Поправке соснового бора, полее длинного озера.

Вот и бор, вот и озеро, — а полянки нет.

Всё вблизи другим кажется, непохожим.

А лес всё темнее да сырее. Свет полосами упирается в мох, в ягоды прошлогодние, в ландышевые поросли. Моховая кочка — вся в клюкве, как подушка а бисере. Рядом пень трухлявый, дряхлый, так и рассылается рыжей мукой. Гляжу — в самой середине пня ямка, а в ямке тетёрочье перо, пёстрое, полосатое — жёлтое с чёрным. Видно, купалась тут тетёрка в сухой трухе, барахталась, на боку лежала, крыльями хлопала, чёрным куриным глазом глядела.

Эх, обидно мне стало, когда я это перо нашёл! Ведь есть же, значит, здесь поблизости тетерева, — может, рядом сидят, а не найти их.

Будто провалилась моя полянка сквозь землю. Искал я её, искал, километров десять в этот день исходил. И в такую забрёл глушь — в самый глухой бор, в тёмный, густой, заваленный. Совсем не туда попал!

Мне нужен молодой лес, светлый, с полянками, с прогалинами.

Тетерева всегда на чистое место слетаются. Им, как бойцам, площадка нужна. А здесь, в бору, не подерёшься. Того и гляди лиса или куница из-за дерева выскочит и за хвост ухватит.

Пока плутал я в бору, лазил по валежинам, на корнях спотыкался, — совсем свечерело.

Наступила ночь. Стал я с горя костёр складывать, — ночевать уже собрался. И вдруг далеко сквозь стволы, сквозь ветки засветился огонёк. Живёт тут кто-то!

Пробрался ближе через бурелом. Вижу — избушка. Стучу в дверь.

— Пустите, — говорю, — пожалуйста, переночевать. Охотник я, заблудился.

— А вали, ночуй! — отвечает кто-то из-за двери спросонья.

Это здешний лесник был. Он в этой избушке с женой и детьми живёт. Уложил он меня на лавку и разговаривать со мной не стал. Сразу захрапел. А я лежу и думаю, как бы мне самый рассвет не проспять. С опаской заснул. Сплю, а одним ухом слушаю.

И вот первый петух заорал: кукарекууу!

Рано мне еще, ночь полная. Ещё поспать можно.

Второй раз петух заорал. Ну, теперь самая пора вставать. Окошко уже посерело.

Перешагнул я через спящих хозяев — они на полу спали — и выбежал во дворик.

Там колодец был в углу, — с бадьёй на верёвке. Зачерпнул я ледяной воды и плеснул себе в лицо. Ух, холодно! Дух захватывает. А без мытья в такое утро нельзя. Если не умоешься холодной водой, не разгонишь кровь по жилам, — совсем потом замёрзнешь.

Полошусь я у колодца, тру шею, уши, щёки. И вдруг как чуфыкнет у меня над самой головой:

— Чуффыть!

Тетерев!

Так я на корточках и присел — и за колодец.

Гляжу — на берёзе у забора сидит здоровенный черныш. Сидит и смотрит на лесникова петуха.

А петух в навозной куче лапами гребёт, кур созывает.

— Кукарекууу! — кричит петух с навозной кучи.

— Чуффыть! — отвечает с берёзы тетерев.

— Кукарекууу!

— Чуффыть! Чуффыть! Чуффыть!

— Кук... — подавился петух.

Это тетерев слетел с берёзы и уселся прямо на навозной куче между курами.

— Ко, ко... ко... ко... коко! — заговорил петух.

А косач выгибаться стал. Крылья распустил, будто двумя саблями по земле водит. Хвост, как веер, то вправо развернёт, то влево, а сам бормочет: «Гур! гур! гур! гур!» Потом припадёт к земле грудью, вокруг себя повернётся — шею согнёт, как конь вороной, то подскочит, то важно выступать начнёт. «Гур! гур! гур! гур!»

Брови у косача красные, как огонь, а весь он чёрный-чёрный, только на крыльях белые зеркальца мелькают, да подхвостье белое торчит.

Подскочил тетерев к курице, вокруг неё на одной ноге проскакал, одним крылом сбоку подпираясь.

И стали петух и косач сходитья всё ближе и ближе. По всем правилам петушиной драки стали сходитья. Оба ведь петухи, только один лесной, другой домашний. То будто зёрнышки сбоку поклюют и ещё на шаг сойдутся, то опять головы подымут. Петух воротничок распустил, жёлтые крылья развёл.

А чёрный тетерев надулся, как пузырь, — вот-вот лопнет.

И вдруг как прыгнет петух на косача.

Шпорами хватил, клювом долбанул.

А тетерев одним крылом, как щитом, заслонился и клюнул петуха из-под крыла. Самое-самое красивое

перо у Петьки из хвоста вытащил. Самое длинное перо. Самую красоту Петькину.

Опять петух налетел. Сшиблись, завертелись на месте. Петух шпорами работает, косач клювом колет, крыльями бьёт! Крылья о крылья хлопают. Перья летят во все стороны — чёрные, жёлтые, белые.

Сильнее петуха косач. Крепче у него крылья — рабочие крылья, лётные. Не то что у петуха — простыв махалки. Бьёт косач Петьку, с ног сшибает. Как ударит крылом, так и сшибёт. Как ударит, так и сшибёт.

Старается Петька повыше подпрыгнуть, грудью тетерева толкнуть, шпорой заколоть.

Да нет, не выходит. Забивает его черныш.

Тут я выскочил из-за колодца, упал на обоих драчунов и сгрёб их в охапку.

А они так хватко вцепились друг в друга, что не сразу и очухались. Тетерев петуха за бороду держит, а петух тетерева — за бровь красную. Только у. меня в руках отпустили они друг друга.

Засунул я в сумку тетерева и живьём домой принёс.

СОДЕРЖАНИЕ

Страшный рассказ	3
Ваня-охотник	5
Путешественники	7
Что за зверь?	10
Волчишка	12
Как мальчик Женя научился говорить букву «р»	14
Хитрая мама	16
Удивительный почтальон	20
.Медвежата	23
Птичье озеро	28
Яша	33
Цапля	36
Кошка Маруська	40
Лесной котёнок	42
Друзья	45
Медведь-рыбак	48
Свинья	55
Кот Епифан	60
Тетерев и петух	65

*Отзывы и пожелания издательству направляйте
по адресу: Ленинград, набережная Кутузова, 6,
Дом детской книги Детгиза.*

ДЛЯ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

Ответственный редактор Г. Гроденский.

Художник-редактор Ю. Киселев. Технический редактор Т. Лейкина.
Корректор А. Петрова. 60X84¹/₁₆. Бум. л. 2,25. Печ. л. 4,11. Уч.-изд.
л. 2,84. Авт. д. 2,07. М-22541. Подписано к печати 29/УШ 3950 г, Цена 2 р, 55 к.
Тираж 300 000. Заказ №481, 2-я фабрика детской книги Детгиза Министер-
ства Просвещения РСФСР, Ленинград, 2-я Советская, 7.